

— Хм, думал, кто-то важный, а оказалось — никчёмный пшик. Я — третий старейшина Усадьбы Восьми Ветров.

— Скажите, имеете ли вы отношение к гибели сотен невинных девушек, чьи тела были жестоко зарыты в глуши?

— Какая разница, имею или нет? Кто в пределах Усадьбы Восьми Ветров посмеет тронуть меня? Эти женщины сами вызвались быть подопытными для моих снадобий. Сдохли — сами виноваты!

— Врёшь! Тао-нян никогда бы не оставила родителей, а уж о добровольных испытаниях и речи быть не могло! Негодяй! — Парень с лопатой всё больше заводился. Тан Юань уже не мог его удержать. Тот вырвался, кинулся вперёд и тыча пальцем в старейшину.

— О-хо! Храбрый какой! Вчера я испытывал на той девке снадобье, а сегодня испытаю на тебе клинок! — За спиной у мужчины висел тяжёлый меч с широким лезвием. Со злобным рёвом он занёс его, целясь прямо в голову парня.

Тан Юань вскрикнул: «Берегись!» — сорвал с плеча футляр с доской и швырнул его навстречу лезвию, одновременно рванувшись вперёд и оттаскивая парня назад. Меч вонзился прямо в середину футляра, едва не расколов сделанный из священного персикового дерева ящик.

— Если Усадьба Восьми Ветров не может тебя обуздать, я смогу!

Тан Юань шагнул вперёд, голой рукой встретив лезвие.левой ладонью он отвел удар, а правой, выхватив момент, ударил мужчину прямо в лицо.

Это был первый раз, когда Тан Юань в гневе поднял руку на человека. Раньше, из-за слабого здоровья, он практиковал мирные, сбалансированные внутренние техники. В обычное время эта энергия была подобна спокойной реке, но сейчас, пронизанная убийственным намерением, она превратилась в бурный прилив, способный поглотить небо и землю.

Старейшина не ожидал, что внутренняя сила Тан Юаня столь глубока. Удар накрыл его, сковывая всё тело. Тот даже не успел издать звука — из семи отверстий на лице хлынула кровь, и он бездыханный рухнул на землю.

С момента, когда третий старейшина обнажил меч, до его смерти прошло всего несколько мгновений. Ученики Усадьбы Восьми Ветров даже не успели опомниться, как их старейшина уже лежал мёртвым.

Нанеся удар, Тан Юань почувствовал, как клубящаяся над доской обида мгновенно рассеялась больше чем наполовину. Он положил правую руку на плечо молодого человека и, ловко оттолкнувшись, стремительно спустился по горной тропе вниз. Подоспевшие глава Усадьбы Восьми Ветров и его сын увидели лишь удаляющуюся спину Тан Юаня, уносившего с собой парня.

Молодой наследник, пылкий и гордый, сдержал дыхание и, вложив в голос внутреннюю силу, крикнул:

— Господин, остановитесь!

Тан Юань и не думал останавливаться, опасаясь, что его окружают. Таща за собой парня с несчастным лицом, он бросил через плечо:

— Не задержусь, не хочу навлекать на себя дурную ауру. Десяти лет не пройдёт, как Усадьба Восьми Ветров падёт.

— Молодой мастер! Молодой мастер!

— М-м? — Тан Юань с трудом вырвался из цепких лап сна. Перед ним по-прежнему сидел бородатый возница. — Что такое?

— Молодой мастер, стемнело. Не найти ли ночлег?

(Восьмая часть)

— Молодой мастер, как насчёт этой заезжей избы? Дальше по дороге постоянных дворов мало, после этого больше десятка ли идти до следующего.

— «Приходящие Облака»? — Тан Юань взглянул на вывеску. — Неплохое название. Гости, словно облака. Пусть будет здесь.

Он откинул полог повозки и легко спрыгнул на подножку, а затем на землю.

Едва Тан Юань с возницей переступили порог, как к ним уже подбежал слуга, смахивая с их одежд пыль тряпкой.

— Гости дорогие, откушаете или на ночлег?

— Эй, парень, неучтивый ты какой! Чего размахиваешь? — Возница перехватил его руку и вырвал тряпку. Видно, что человек долго проводил время с лошадьми — говорил прямо и бесхитростно, чем смутил слугу.

Тот, забрав тряпку обратно, ловко перекинул её через плечо и, сгибаясь в поклоне, зататорил:

— Так я же пыль с дорожной пыли смахиваю! Вы с дальней дороги, устали, небось? У нас лучшие комнаты для вас готовы! Сколько требуется?

Возница громко рассмеялся, хлопнул слугу по плечу, не заметив ничего странного. А вот Тан Юань присмотрелся к слуге повнимательнее.

— Парень, похоже, мы с тобой на полночи в одну комнату заселимся, а на вторую половину — в другую? Двух комнат с лихвой хватит, больше не потянем.

— Ой, господин, шутите вы, — слуга, проводя их в общий зал, крикнул в глубину:

— Две лучших!

Возница же сунул слуге кнут и ткнул пальцем в сторону улицы:

— Лошадь мою во двор отведи, лучшим сеном покорми. — А для молодого мастера одну лучшую, мне же и обычная сойдёт. В крайнем случае, я и с конём побуду.

— Всё же две лучших. Я заплачу за брата-возницу. — Тан Юань достал из рукава серебряный слиток, покрутил его в пальцах и, минуя возницу, протянул слуге. У того аж глаза разгорелись — целых двадцать лян! Хватило бы на месяц проживания с едой и ещё осталось.

Только на слитке почему-то была печать.

Слуга, приняв серебро, украдкой разглядел его. Чем больше смотрел, тем больше напоминало клеймо два иероглифа. Да формой похожи на те, что на уголке нашего вымпела висят. Подумал он так, но значения не придал.

Будь он грамотным, разглядел бы, что это искажённые знаки «у вэй» — «не-деяние». Но он был неуч, потому решил, что это казённое серебро, оттого и клеймо. Довольный, сунул слиток в свой карман, а в хозяйскую кассу положил из своих сбережений.

Он был неграмотен, но для кого-то эти два знака были знакомы до боли. Лицо возницы на мгновение застыло. Большим пальцем он слегка потеревил указательный, слегка помрачнел и лишь потом обернулся к Тан Юаню:

— Благодарю молодого мастера. Выйдет и у меня, грубого возницы, сегодня в лучшей комнате переночевать.

— Не стоит благодарности, — ответил Тан Юань и, повернувшись к слуге, добавил:

— Парень, не забудь горячей воды наверх поднять да поесть чего приготовить. Я почти целый день в пути, ещё во рту не было. — Брат возница, прошу.

Больше он ничего не сказал, делая вид, что не заметил странностей в поведении возницы, и первым направился к лестнице, на поиски пресловутых «лучших» покоев.

Заезжий двор стоял у большого тракта и, судя по названию, должен был принимать гостей, словно облака. Но почему-то в этот вечер народу было мало. Поднимаясь по деревянной лестнице, Тан Юань чувствовал, что та скрипит и шатается, словно вот-вот рухнет. Стены в трактире были жёлтыми, будто он долго стоял заброшенным, а потом его вновь открыли.

Эти так называемые «лучшие» покои были лишь чуть чище обычных и в подмётки не годились хорошим комнатам в столичных или лоянских постоялых дворах. Комнатка была тесной, а при открывании двери в нос ударил запах сырости и затхлости.

— Кхе-кхе. Скажи-ка, парень, давно ли в этой «лучшей» комнате никто не жил?

— Хе-хе, доглядели? — слуга, взбивая и перестилая одеяла, оживился. — Мы недавно вновь открылись, ещё не успели всё как следует прибрать. Да и пустовала-то недолго. Буквально на днях тут один гость останавливался. Только странный он был. Заплатил, заперся в комнате и не выходил. А наутро, едва мы открылись, я наверх поднялся — а его уже и след простыл.

Слуга, вспоминая, на мгновение задумался.

— Только слышал я ночью как будто «бух» — словно кто-то с крыши спрыгнул. Диковинно, правда?

Тан Юань, слушая его, не смог сдержать усмешку, а потом и вовсе расхохотался, будто ему в смешливые точки попали.

— Господин, что такое?

— Ха-ха-ха, ничего, ничего. Иди, делай свои дела.

Слуга не понял, что смешного, решил, что гость чудаковатый, и, уточнив насчёт еды,

отправился на кухню.

— Ха-ха-ха... «Бух»... Ох, до слёз! — Тан Юань хохотал, опираясь на стол, а потом, устав, опустился на стул, упёрся руками в колени и уставился на возницу. — Брат возница, а тебе не смешно?

Тот неестественно усмехнулся:

— Смешно, смешно.

— Так почему же не смеёшься? — Тан Юань перестал смеяться, и голос его стал холодным. — Может, потому что это твой собственный позор, и смеяться тут не над чем?

— Молодой мастер, вы... вы о чём это?

<http://bllate.org/book/16265/1463527>